

Н.Л. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
(E-mail: pushkarev@mail.ru)

Изучение научного сообщества методами этнологии: значимость гендерного подхода¹

Аннотация. *Статья актуализирует методологию и методы этнографического знания в фокусе применения их в социологии и социопсихологии. Автор обращается к классическим исследованиям М. Вебера, Г. Зиммеля, П. Сорокина и др., заложивших основы изучения профессиональных (в том числе – научных) сообществ. Междисциплинарное взаимодействие научных направлений акцентировало внимание на повседневном обыденном мире, на выявлении методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий, что в итоге определило исследовательский вектор этнометодологии. Автором показаны предпринятые исследования повседневности научного сообщества в условиях лаборатории, фиксацию множества предпринимаемых учеными действий, требующих дополнительного микроанализа и объяснений, антропологизация изучения научного сообщества, гендерного подхода в этнографии профессий. Главную задачу этнографа науки, автор видит в исследовании повседневной практической рутинной деятельности ученого, в конструировании «мира лаборатории», социальной институционализации научного сообщества. Немаловажное значение в этнографии науки имеет гендерный аспект, фокусирующий внимание на научном работнике, как активном социальном субъекте, на гендерном неравенстве в научном (академическом, университетском) сообществах.*

Ключевые слова: *этнография науки; этнометодология; гендерный подход; антропологизация; научное сообщество.*

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-133-4-100-116>

Введение. Исследования этнографическими методами профессиональных субкультур – структур повседневности, традиций, фольклора различных профессиональных сред – в последние годы прочно вошли в программу полевых исследований культурантропологов и социологов, применяющих качественные методы [1, с.49]. Это не случайно: наши зарубежные коллеги не раз отмечали, что «русские этнографы всегда

отличались гибкостью, реактивностью по отношению к изменяющимся потребностям этнографического знания, доступностью и конкретностью описания» [2, с. 3]. Думается, эти слова вполне могут быть отнесены к тем современным представителям отечественной науки, которые работают, применяя этнографический метод, в социологии и социопсихологии – в частности, изучая с его помощью жизнь научного сообщества.

¹Поддержано грантом Планом НИР ИЭА РАН, Программой РАН «Этнокультурное разнообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (проект «Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие») и Министерством науки и высшего образования РФ, грант 075-15-2020-910

Сделать краткий обзор сделанного в этой области отечественными и зарубежными учеными, определить предмет исследований и его перспективы - аналитический императив (хотя бы в силу актуальности всех вопросов, связанных с реформированием академического сообщества, о котором уже несколько лет говорится со страниц СМИ).

Понятие «этнографического метода», который дает возможность установить «смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками современных сообществ» [3], – родилось и быстро стало популярным в западной культурной антропологии и социологии с середины 1960-х гг. Его популярность связана с растущей критикой классических приемов изучения и традиционного, и индустриального образа жизни, увеличением интереса к феноменологии, интерпретативным объяснительным моделям. Основные черты полевой работы этнографического типа – глубинные свободные, полуструктурированные или лейтмотивные интервью, включенное наблюдение, стремление к детальному документированию событий – все они отражают намерение исследователя следовать «естественным», в не лабораторным, отличающимся от используемых в повседневной жизни способов коммуникации, приемам сбора данных о современном обществе. Так возникло в социологии обозначение такой методологии – естественное исследование (*naturalistic enquiry*). Этнографический метод и включенный в его состав исследовательский инструментарий может быть удобен, а в каких-то случаях – единственно возможен, когда перед ученым стоит задача проанализировать «смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками» определенной, часто достаточно закрытой, социальной группы, каким является, например, сообщество академических ученых, его отдельные разновидности (лабораторные исследователи, люди экспедиций, «невидимые колледжи», проекты, кратковременные сообщества

научных встреч – семинаров, конференций, симпозиумов, конгрессов).

Истоки этнографического изучения профессиональных (в том числе – научных) сообществ надо, вероятно, искать в классической исследовательской программе М. Вебера. Ведь именно в рамках его понимающей социологии и теории понятие «профессия» соотносится (помимо экономической и социальной структуры) с поведением индивида, его жизненным миром и системой ценностей, которые аналитику предстоит понять и объяснить с помощью концептов, выработанных культурной антропологией. (Нужно заметить, что в немецком языке оба понятия – и «призвание», и «профессия» обозначаются как *Beruf*) [4]. Представляется необычайно важным и введение этим классиком социологической мысли понятия *Lebensführung*, которое «вспомнили» почти через век, когда началось увлечение сопоставительным анализом жизненных стилей (собственно, так лучше всего и перевести веберовский термин), а вместе с жизненными стилями – этики, принятой в рассматриваемой социальной группе, явных и скрытых правил объяснения и оценки жизненных феноменов, участвующих в воспроизведении личностей определенного типа [5, с. 371] и проч.

В том же направлении изучение жизненных стилей продолжили Т. Веблен и Г. Зиммель, ведь именно они обратили внимание на демонстративные аспекты жизненного стиля, те, что символизируют жизненный успех и принадлежность к избранным (слою, сословию, группе). Поначалу это исторически было соперничество и победы в бесконечных войнах, далее – демонстративный досуг элит, в XX в. – «демонстративное потребление» (мы бы сказали: консюмеризм современного человека). Таким образом, Т. Веблену можно смело отдать пальму первенства в изучении связей жизненного стиля с социальным и экономическим неравенством, без признания которых невозможно современное изучение этнографии науки в целом и ее гендерного аспекта (гендерной асимметрии в научном сообществе) в частности [6].

По мнению М. Вебера, «профессией» стоило бы именовать любое занятие, дающее заработок – и не так уж важно, чтобы это занятие было общественно-признанным, поскольку не востребованные обществом занятия еще не перестают быть профессиями. Другой важной идеей, вдохновившей многих исследователей, стала идея экспертного знания, легко конвертирующегося в условиях современного общества в легитимную власть специалистов.

Позже П.Сорокин подхватил и внес свой вклад в функционалистское объяснение профессии. С его точки зрения, источник дохода плюс социальная функция индивида связаны друг с другом, образуя в совокупности профессию [7, с. 182]. Размышляя о проблемах социальной мобильности, П.Сорокин первым поставил вопрос о причинах существования «низших» и «высших» профессий; он связывал их с социальной стратификацией и, в известном смысле, соглашался с Г. Спенсером о генезисе престижных («высших») профессий из первоначальной политико-церковной деятельности: научная работа, бывшая веками привилегией образованной части общества, стала профессией именно таким путем [8, с. 356]. А.Флекснер, осуществляя свой анализ в функционалистском духе, попытался дать ответ на вопрос – «какими особенностями должна обладать та или иная деятельность, чтобы называться профессией?» и, в результате, сформулировал такие известные признаки, как сертифицированное знание, сознание ассоциаций, общественное признание, общий этос.

Марксистские идеи вдохновили исследователей на критический анализ профессии как растущей властной силы современного общества. Монополия профессионалов на знание предоставила им возможность, как полагал Ч.Райт Миллз, оказывать значительное влияние на принятие общественно значимых решений по широкому кругу вопросов и значительные усилия затрачивают на сохранение своей власти, ограждая специфическое поле деятельности от интервенции любителей, аматоров.

Проблема субъективного в профессиональном выборе и его реализации много позже – уже во второй половине XX в. – выдвинула задачи исследования рефлексивного содержания профессиональной деятельности (удовлетворенности работой, профессионального самочувствия, профессионального выбора, профессиональных ценностей), что, с одной стороны, дало толчок сближению социологии с психологией, развитию изолированного опросного инструментария, а с другой – заставило обратить внимание на профессиональную обыденность, используя идеи, возникшие в рамках этнометодологии.

Таким образом, во второй половине XX века оформились три основных направления в изучении академического сообщества, каждое из которых обладало своим характерным взглядом на реальность мира профессионалов – функционалисты исследовали признаки, особенности и отличительные черты профессии, позволяющие ей выполнять социально значимые функции в обществе. Марксисты подвергли анализу конфликтные интересы профессионалов, заинтересованных в сохранении своей власти и привилегий, а представители интерпретативного направления, в том числе этнометодологи, сосредоточились на изучении повседневного опыта, при помощи которого научная деятельность возможна как специфический вид человеческой деятельности [9].

С этнометодологией как особым направлением социологической теории этнографический метод связан напрямую. К тому времени как Гарольд Гарфинкель – ученик создателя структурно-функционалистского воззрения на общества Талкота Парсонса, опубликовал в 1967 году свои «Исследования по этнометодологии», вместе и одновременно с ним на том же аналитическом поле уже работали приверженцы феноменологической социологии А. Шютца (А. Сикурел, Д. Дуглас, П. Макхью). Слово «этнометодология» сам Г. Гарфинкель понимал как «учение о том, как поступают народы, когда ведут себя люди в повседневной жизни. Целью этнометодологии

он – по аналогии с этнографией – объявлял «обнаружение методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий» [10, с. 270].

В англоязычной литературе этнометодологию часто называют «социологией обыденной жизни» [11, с. 85]. Этнометодологи изучают – одновременно с этнологами – *обыденный мир*, то, как живут люди в своей будничности, повседневности, основываясь на множестве спрятанных (латентных) знаний, которые сформированы у нас «здравым смыслом». Задача этнометодолога в таком случае – сделать подобные невысказанные познания явными и поддающимися анализу. Оттолкнувшись от классической феноменологии Э. Гуссерля, получив импульс и в теории интерсубъективности А. Шютц [12], этнометодологи высказали предположение, что – вступая во взаимодействие – каждый индивид имеет представление о том, что случится и как это должно протекать. «Черты рациональности могут быть выявлены в самом поведении» [13], но эту рациональность – считали они – трудно «схватить» объективными методами социального познания, а можно лишь вести наблюдение, как это делают этнографы, обращая внимание на существующие в обществе правила и предубеждения, процесс их формирования, на истолкование одними людьми речи и жестов других.

Таким образом, цель этнометодологии – поиск универсального в структурах субъективности. Предмет этнометодологии – процедуры интерпретации, «процесс интерсубъективного обмена значениями и смыслами» – всевозможные скрытые, несознаваемые, необъяснимые для самих индивидов механизмы коммуникации между людьми. Объективная реальность – с точки зрения сторонников Г. Гарфинкеля – распадается на множество уникальных ситуаций, значения которых всегда более, чем относительно и соотносимы с биографическими особенностями людей (участников коммуникации), их ожиданиями и неким консенсусом между ними. Так

что основной метод этнометодологии – интерпретация действий индивида в ситуациях межличностного общения, «ситуационизм» – ведь общественная жизнь не более, чем смена неповторимых, исторически уникальных ситуаций.

К середине – концу 1970-х гг. относятся первые практические попытки изучить такой ситуационизм в профессиональной жизни научного сообщества – проследить повседневную работу в лаборатории как своеобразную форму жизнедеятельности «племени ученых» подобно тому, как могла бы быть изучена культура некой неизученной общности «дикарей» или аборигенов). Попытки эти тем более скандальны и радикальны, что они производятся в самом источнике современной рациональности – европейской лабораторной комнате, ставят под вопрос целостность, внеличностный характер и однозначность самого производства научного факта. Так, например, французский социолог Б. Латур и американский культуролог С. Вулгар около года наблюдали жизнь лаборатории микробиологов. Дотошная фиксация исследовательской работы в этой лаборатории, фото–кино–архивы, созданные на их основе «полевые записи» были дополнены анализом всех видов научной литературы, писем сотрудников, их дискуссий, интервью. В любом научном выступлении, в любой рецензии и, тем более, статье можно обнаружить и скрытую полемичность, и обращение к фактам реальной практики, и отражения межличностных отношений, – отмечали авторы. Работа небольшой научной группы или лаборатории всегда может быть интерпретирована как непрерывное порождение множества «документов» – текстов из фраз и невербальных поступков, жестов, которые нужно истолковывать [14].

В 1981 году – полтора десятилетия спустя после выхода пионерской книги Г. Гарфинкеля – этнометодология была вновь применена к изучению научного сообщества. Социологи науки стали замечать, что интерес к макросоциологии науки и техники подчас не дает реального представления о работе

«маленького человека» в ней. Развитая научная инфраструктура (институты, функционально-ролевая иерархия, материальные ресурсы, а также текст науки – письменный и устный – артикулирующий совокупное знание) при определенных обстоятельствах могут заслонять и даже подавлять в ней «человеческий компонент».

Вот почему профессор Пенсильванского и Билефельдского университетов К. Кнорр-Цетина, поставила своей целью написать специальную работу «Этнографическое изучение научного труда: конструктивистской интерпретации науки» [15], а следом за ней – труд, название которого можно перевести как «Производство знания: к антропологии естественных наук» [16] (он вышел одновременно в Германии и США). По сути, в этих публикациях, основанных на наблюдениях за работой институтов физики высоких энергий и институтов молекулярной биологии резюмировалась программа этнографического исследования науки [17].

В своих трудах исследовательница проанализировала, как научные институты определяют социальные роли их участников (через ученые степени и звания, которые отмечают соответствие работы ученого некоему институциональному шаблону, не претендуя на определение ее реальной ценности). Институциональные шаблоны, полагала она, содержат не только явные и скрытые функции, но и функции подражательные, фиктивные или компенсаторные [18]. В этом отношении отсутствие «достойных» ученых степеней у выдающихся исследователей может считаться своеобразной нормой нарушения нормы, как сопротивление признанию «особости» носителя выдающихся достижений, равно как и само существование подобных чудаков, которым якобы безразлична степень их научного признания и которые готовы работать в своей области знания просто «за идею» [19].

В определенных контекстах институты науки, отмечала К.Кнорр-Цетина, могут служить средством реализации внеучебных задач (распределительных, воспитательных,

контрольных) – и, хотя исследовательница не приводила таких примеров, трудно не вспомнить в этом случае советской модели организации науки (которая, по правде сказать, поддерживается в качестве государственного сегмента и в посткоммунистический период), демонстрировавшей контрольно-репрессивные функции в самом очевидном виде.

В работах К.Кнорр-Цетина был призван сосредоточиться на внимательном изучении обыденных, рутинных условий производства научного знания на микросоциальном уровне. Под такой работой она имела в виду изучение повседневной жизни, ее ситуационных взаимодействий, реальных и приемлемых действующим индивидом методов, приемов, практик объяснения и решения привычных проблем профессионального научного быта [20]. Этому направлению родственны и символический интеракционизм, и социальная феноменология, и вышеупомянутая этнометодология, а также ряд направлений лингвосоциологического анализа и, конечно, история, и этнография повседневности [21].

По словам исследовательницы, этнографическое изучение науки является реализацией конструктивистской концепции научного знания, ведь только в рутине повседневности можно обнаружить механизмы того, как в научной среде преодолеваются разногласия (специфические формы их, названные позже П.Бурдьё «академической ненавистью» [22, с. 39]), как формируется консенсус.

В этой концепции науки научное сообщество, существующее в рамках специальности, понималось как социальная группа, обладающая своими механизмами интеграции, неформальными и формальными лидерами, групповыми ценностями. Жизнь такой группы представляла бесконечным конструированием отношений. К особенностям этнографического изучения науки К. Кнорр-Цетина отнесла неприятие количественных методов исследования, предпочтительное использование процедур

качественного описания, в том числе – методов включенного наблюдения, герменевтической интерпретации смысла, «полевых» интервью (интервью, собранных в естественных для информанта условиях, по форме приближенных к естественной беседе), т.е. всего того, что можно обозначить в качестве интерактивной стратегии интерпретации смыслов человеческой деятельности. Так стала очевидной наметившаяся тенденция к объединению социологического и антропологического подходов в изучении научного сообщества, поворот к изучению микросоциологических проблем научного производства, к локализации науки в социокультурном пространстве, к анализу детерминации деятельности и форм знания социокультурным контекстом, сиречь – межличностным взаимодействием внутри определенного научного сообщества.

Однако что же считать единицей анализа в этнографии науки – лабораторию, центр, научное учреждение, научный/университетский городок (кампус)? Мнения высказываются самые разные. Очевидно лишь, что произошел заметный рост интереса к исследованию процесса научной деятельности, переход к описанию повседневной активности научного сообщества. «В антропологически ориентированных исследованиях в центре внимания – длительные протоколируемые наблюдения за повседневностью ученых, которая описывается и интерпретируется. Описание и интерпретация результатов этих наблюдений требует введения методов герменевтики, что ведет к переоценке качественных методов исследования и интерпретации» [23].

«Этнографический метод» был благосклонно принят в поле гендерной теории, чье рождение пришлось на те же 1960-1970-е гг. Именно она бросила вызов традиционной андроцентричной науке. Вслед за этнографами-интеракционистами (ведущими свое начало от Чикагской социологической школы 1920-х гг.) «гендеристки» предложили чаще применять инсайдинг (insiding): помещение себя (исследователя, автора)

в центр повествования при сохранении желания ощущать присутствие читателя или зрителя, иными словами – соучаствовать [24, с. 5].

Для признающих важность такой исследовательской методики (очевидно отличной от включенного наблюдения: инсайдинг предполагает буквальное «растворение» в описываемом материале), мало описать явление культуры или ее саму. Мало высокомерно заявить о том, что исследователь познал сущность культурного явления и его скрытые смыслы. Для него важно еще, долго находясь внутри, *понять* и принять тех, кто изучается – через рассказы индивидов о себе, через тексты их жизней (ранее считалось, что это – прерогатива литературоведения и психологии [25, с. 18]).

Сторонницы гендерной теории сумели быстро преодолеть искусственно выстроенные границы между областями гуманитарного знания [26]. В центре их анализа оказались полновесные, автобиографические женские life stories (жизненные истории), а вместе с ними – и многосторонне описанные slices-of-life (срезы жизни). Помимо изложения фактов, полученных в ходе «ума холодных наблюдений», адептки нового знания предложили серьезнее отнестись к анализу собственного субъективного опыта ученого, его (если уж продолжать пушкинскую строфу) «сердца горестные заметы», то есть индивидуальные интерпретации, ракурсы видения [27, с. 21-22]. Не случайно в американской науке вместе с термином «рефлексивная антропология» (не сводимая к автобиографии – это именно, если так можно сказать, «самоантропология») появился и термин «домашняя антропология» (anthropology at home) [28], подразумевающая антропологическую работу без выезда «в поле».

Если в 1970-е гг. социология знания и социология науки принципиально дистанцировались от изучения повседневной жизни и повседневных контактов между учеными (по сути – от изучения антропологического/микросоциального

аспекта в истории науки), то в 1980-е между ними не только наметилось объединение, но и произошел некий синтез, приведший к трансформации исследовательской программы социальной истории научного сообщества.

Что мешало этому произойти раньше в нашем, российском, социально-политическом и социально-научном контексте? В то время, как западная гуманитарная традиция уже не одно десятилетие ставила в центр исследовательского внимания анализ культурной группы и именовала такой метод теоретического анализа культуры «этнографическим», в отечественной науке предмет науки, именуемой «этнография» толковался как «исследование материальной и духовной культуры народов» [29]. Народов, этносов – и никак иначе. Социально-антропологическое изучение современной жизни в городских, индустриализированных сообществах заранее отдавалось на откуп социологам. Несмотря на широкое признание за этнографией функции *изучения культур*, в отечественной науке она определялась лишь как *наука о культуре народов* [30]. Понятно поэтому, как культурным общностям было отказано во внимании советских этнографов. Среди таких «пострадавших» надолго оказались, например, группы современных русских, проживающих в крупных российских городах. В учебниках по этнографии, на которых воспитывалось не одно поколение ученых, однозначно указывалось, что этнографические изыскания должны быть посвящены малым этническим группам или «традиционным культурам» [31]. Потому-то изучение обычной повседневной жизни обычных русских в условиях современного индустриального города, в особенности, крупного (с послевоенных лет и вплоть до начала нового тысячелетия) было выведено за рамки этнографического изучения в российской историографии – это делали почти исключительно социологи, самыми распространенными из социологических – количественными – методами.

Если этнографов что-то и интересовало в жизни русских как этноса, то – лишь в той ее

части, которая сохраняла традиционный уклад. А такой частью считалась сельская Россия. Таким образом, если этнографы и писали о современных русских – то прежде всего о тех, что были «антропологически чуждыми» им – то есть были либо удаленными исторически [32], либо географически [33], либо сами были мигрантами, говорящими по-русски, в иноэтничном окружении [34]. Реже (и, как правило, не в столице) центром исследования становились сообщества «гражданской инаковости» (civil otherhood) – удаленные от обычных людей в культурном смысле (геи, заключенные, чудаки, «субкультурщики») или же в смысле культурно-географическом, т.е. проживавшие на селе (а не в городе) и не имевшие культурно-образовательного уровня «городских» [35].

Особое направление среди тех, кто все-таки заметил лагуну в современных исследованиях русского этноса, составляли (правда, крайне немногочисленные) специалисты, изучающие «этнографию профессий» (на самом же деле, до поры до времени, а именно до 1990-х – социологию профессий, анализируемую с помощью этнографических методов). Эти ученые считали своей задачей «приоткрыть и сделать явными те способы, какими люди определенной профессии устанавливают свое понимание, оценку, образ действия, иначе говоря, управляют своей ежедневной ситуацией» [36]. Используя интервью, включенное наблюдение и, что существенно отличает их от традиционных этнографов или социологов, анализ исторической, историко-политической, историко-культурной ситуаций (привязанных к определенному историческому отрезку), они старались описать людей определенной профессии как особую социальную группу – группу, имеющую свою корпоративную культуру, интересы, ценности.

Однако одного описания быта и через него культуры группы для теоретического осмысления культуры профессиональной группы становилось недостаточно. После коллапса прежней парадигмы – ортодоксального марксизма – стал

ощущаться острый дефицит теоретических, методологических разработок. В то время, как «...самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» [37, с. 185], абсолютное большинство отечественных этнографов оказалось готово устремляться в поле без каких бы то ни было представлений о том, как ожидаемые ими результаты будут вписаны в культурно-антропологическую теорию [38, с. 4]. Появились рассуждения о том, что этнография – наука описательная, поэтому этнографу важно зафиксировать наблюдаемое, а уж задача теоретического осмысления, размышлений над корнями или истоками наблюдаемого явления, деконструкция его механизмов – якобы дело иных наук.

Проблема, отчасти, могла бы быть решена постепенным оформлением (как это происходит в США и Великобритании) в отечественных исследованиях дисциплинарной области на стыке современной этнологии и социологии, такой как антропология профессий подобно тому, как это произошло в свое время в социологии профессий [39]. Отметим здесь, что советские исследования труда во многом формировали свое предметное поле и методический инструментарий по образцу, заданному государственной идеологией. В советской социологии труда исследования трудовых отношений на крупных промышленных предприятиях были выведены за скобки, а процедуры и техники получения эмпирической информации основывались на количественной методологии. Выборочные исследования, исключая из анализа так называемые маргинальные практики, поддерживали веру в единую и «правильную» рациональность советских людей, носителей разума, власти и технократизма. Предметом исследований здесь выступали социальные общности – трудовые коллективы, рабочий класс. Методологическим основанием теории трудовых отношений стала нормативная модель коллективного производства,

исключающая возможность различных интересов и конфликтов между социальными группами внутри предприятия [40]. Применение этнографического метода для культурно-антропологического анализа профессиональной группы (например, ученых) может стать спасением от описательности. По сути, «этнографический метод» в социологии или использование качественных социологических методов в этнографии оказывалось путем приложения и развития социально-конструктивистской парадигмы.

В последние годы увеличилось количество работ, в которых этнографические методы используются для изучения профессий и занятости. Отечественные социологи, этнографы и социальные антропологи обнаруживают неявные правила, фоновые знания, повседневные ритуальные практики, способы рефлексии и самоидентификации различных профессиональных групп: журналистов [Сосновская, 2004], медиков и учителей [Щепанская, 2003], художников [Магидович, 2004], геологов [Федосеенко, 2003], актеров [Зайцева, 2003], магов [Паченков, 2001], программистов [Шумов, 2003], социальных педагогов и социальных работников [Романов, 2005; Социальная политика... 2002, Ярская-Смирнова, 2001a], военных [Банников, 2002; Михайлин, 2001]. Некоторые из этих исследований выполнены в русле критического анализа. «Этнографический» подход становится орудием социальной критики, позволяющей представить взгляд снизу вверх и переосмыслить управленческую рациональность с использованием прямой речи, текстов интервью и голосов представителей профессиональных групп и сообществ. Другие подходы носят прикладной характер и направлены на развитие управленческих методов, третьи наполнены гуманистическим намерением авторов донести до общества тихие голоса закрытых маргинальных групп.

Этнографы не слишком прислушивались к подобным призывам и не спешили принимать участие в научных инициативах

(конференциях, проектах) выдвинутых представителями социологии. Итогом этого выжидания стало то, менее распространенное, мало бытующее оказалось лучше и подробнее описанным, чем «норма». Размышляя о перспективах развития в нашей науке «этнографии профессии», петербургский этнограф Т.Б. Щепанская отметила, что «аномические» (живущие в зоне «социальной аномии» – дефицита устоявшихся норм) субкультуры оказались сейчас гораздо более изучены, чем «номические», остающиеся в области социальной нормы [41]. Эта исследовательница, создав проектную группу по изучению антропологии профессий, призвала изучить этнографическими методами профессиональные субкультуры разного типа – комплексы традиций (обычного права, стереотипов поведения, особенностей образа жизни, форм повседневного дискурса, символики и атрибутов), сложившиеся в разных профессиональных средах. «Мы рассматриваем социальные институты (напр., политику, армию, образование, здравоохранение, науку и проч.) как воплощение и механизм реализации власти в обществе, – писала она. – Логика профессиональных субкультур – это логика власти,.. отсюда характерные для многих профессиональных традиций элитизм, культивирование ощущения избранности, мотивы мистического откровения... Субкультура профессионалов фиксирует в своей символике, мифологии и обычном праве механизмы осуществления власти, а также ее фиксации, легитимации, сакрализации, монополизации, трансляции в рамках конкретного социального института» [42, с. 145].

Т.Б. Щепанская предположила, что – благодаря антропологии (этнографии) профессий – у аналитика появится возможность описать функционирование власти и генезис общественных движений в социуме, представляя внутреннюю динамику и трансформацию систем управления в терминах взаимодействия культур господства и подчинения. Важнейшими ресурсами

конструирования властных отношений в профессиональных сообществах она видит тенденции к поляризации, декоммуникации («символическую дистанцию, разделяющую профессионала и объект его деятельности»), наличие у профессионалов коммуникативной компетентности («обладания знанием об объекте»); стигматизацию (особое «видение», «печать», «клеймо» профессионализма. Стремление к персонификации (преодолению коммуникативного барьера с помощью номинации или анимизации объектов воздействия/изучения – наделения именами компьютеров, скелетов и/ли придания им одушевленности) – все это, по ее мнению, способы облегчения взаимодействий профессионала с объектом, конструирования объекта деятельности как виртуального партнера по коммуникации [42, с. 158].

Говоря о развитии «этнографии науки», российские социологи имеют в виду научно-исследовательскую программу по изучению процесса производства научного знания в повседневной деятельности ученых. Основная методологическая посылка, из которой исходят «этнографы науки», заключается в том, что невозможно понять характер любых явлений вне зависимости от контекста их выражения [43].

Главный предмет изучения для «этнографа науки» – процедуры интерпретаций, скрытые не осознаваемые механизмы социальной коммуникации между учеными. Такой «этнограф» рассматривает научную группу как культурно изолированное сообщество людей и поэтому изучает не результаты их деятельности, а сам процесс повседневной работы в лаборатории [44]. Не являясь специалистом в той области науки, которую он (или она) изучает, «этнограф» науки тем не менее оставляет за собой право на конечные репрезентации деятельности ученых на основе «особого» метода понимания того, что они делают. В основе «этнографии науки» лежит вышеописанная конструктивистская идеология, которая последовательно реализуется в наблюдении за тем, как ученые конструируют мир природы, и за тем, как сами

социологи конструируют мир лаборатории [45].

Предмет изучения – социальная институционализация – кооперация и разделение труда внутри исследовательской группы, регулярность и ритуализированность контактов ученых, механизмы выработки согласия при выдвижении научных гипотез, возникновение и сохранение формальных структур (объединений, ассоциаций, журналов), ответственных за расширение социальных ресурсов и рекрутирование новых членов [46].

Следом за классиками этнометодологии (Г.Гарфинкель, Г.Сакс, Дж.Джефферсон, А.Блюм, П.Мак-Хью, Д.Циммерман, М.Поллнер, С.Булгар), сторонники указанного направления уделяют огромное внимание включенному наблюдению и сбору фактов о деталях и мелочах научной повседневности. Они подчеркивают, что социокультурная реальность обладает лишь видимостью объективности. Она квазиобъективна и представляет собой множество уникальных событий и ситуаций, значения которых всегда релятивны, незавершены, соотносимы с личностными особенностями участников речевой коммуникации, с их фоновыми ожиданиями и неявными притязаниями. Указанный комплекс детерминант (личностные особенности, ожидания, притязания) и оказывается нужным изучать, изучать совместно с психологами. Для этого, утверждают сторонники подобных подходов, исследователь не может встать в отстраненную позицию относительно своего объекта исследования – он\она будет составлять с ним (как это отлично реализуется сторонниками гендерно-чувствительных методов, предпочитающих инсайдинг) одно целое, будет включен в контекст описания, повседневного общения и разговора [47].

Наука и власть – первая из тех проблем, которая получила новую интерпретацию в социологии науки и социальной истории науки [48]; речь идет об изучении сети властных отношений, пронизывающих и все общество в целом, и отдельные его

«сегменты», в том числе и науку, как мы кратко упоминали выше. Таким образом, гендерный аспект этнографии науки позволяет увидеть во Власти не локализуемый, диффузный феномен, который только и можно изучить не количественными, а качественными методами.

Вторая проблема – проблема научного дискурса и особенностей дискурсивных практик, присущих культуре того или иного периода, того или иного социального пола (объекты, различные по модальности высказывания, стратегии, определенный набор правил). Дискурсивные формы рождаются из социальных структур и воспроизводят их – как это происходит, как раз и изучает этнография науки.

Третья проблема – проблема нового ракурса в исследовании идеалов и норм научного сообщества. Сама эта тема связана с именем Р.Мертон, выдвинувшего понятие «этоса науки», понимаемого как набор универсальных норм и идеалов, характерных для этого социального института во все времена и во всех культурах (в него входят универсализм, всеобщность, незаинтересованность, организованный скептицизм) [49]. Насколько этот этос в равной степени должен разделяться и мужчинами, и женщинами? Ведь ныне не безличные нормы и идеалы науки являются объектом исследования, а те нормы и идеалы, которые – как нынешний компонент сознания ученых – вырос из их поведения, интенций, ожиданий и притязаний. Если уж научное сообщество давно распалось на множество микросообществ [50], то и анализ его идеалов и норм должен приобрести иной характер – характер локальных интенций сознания и ценностных ориентаций ученых внутри определенной группы, в том числе гендерной.

Эпоха малоподвижных, догматичных социальных наук закончилась. Наше время – время «размытых жанров» (blurred genres): труд этнографа может оказаться близок анализу социолога (если ставит в центр изучение социальных взаимосвязей), описанию

историка (если привязывает описание быта к широкому социально-политическому, культурному, событийному контексту), исследовательскому раздумью психолога, тонким наблюдениям литературоведа.

Стратегия исследования все чаще включает методы сопредельных наук.

Этнографический метод признан незаменимым при выявлении типичного в уникальных ситуациях, при выявлении своеобразия способов видения мира, образцов характерного и в то же время обиходного социального действия, закрепленных в ритуализированных практиках. В «этнографическом» по направленности исследовании человек «берется» со всем его жизненным миром, странными привычками, в контексте всех сфер его бытия, индивидуальных проявлений общественных отношений.

Этнография (антропология) науки – это изучение культуры научного сообщества, основанная на применении приемов и методов изучения культур и субкультур в культурной антропологии.

Гендерный аспект этнографии науки – не традиционное описание особенностей социально-профессионального существования мужчин и женщин в научной среде, а *вскрытие технологии воспроизводства властных отношений в ней* [51, с.193], методологический ключ, позволяющий легитимизировать феминистски-ориентированные теоретические основания научного анализа. Так или иначе, но в центре внимания современной социологии /этнографии /антропологии науки – научный работник как активный социальный субъект [52, с. 5], какого бы пола он ни был.

Какова, например, связь между экономической, организационной структурой науки и типическими элементами поведения избранной части академического сообщества? Как складывается необычный характер их трудовых отношений, опутанных массой неписанных табу и запретов, существующих и типичных именно в стенах академических учреждений нашей Академии Наук? Каковы

модели приспособления индивидов в системе отношений между администрацией и научными сотрудниками? Насколько «научная культура» женщин-ученых отлична по стилю, образцам поведения от культуры женщин других профессий, от основной массы населения вообще? Вопросы можно множить.

История женщин-ученых, добившихся формального признания (защитивших докторские диссертации) в каждом из академических институтов или вузов по своему нетипична или даже уникальна. Но при собирании и сопоставлении жизненных стратегий этих женщин «этнографический метод» превращается в самый эффективный инструмент изучения этой необычно-успешной социальной группы в рамках академического сообщества, своеобразной субкультуры этих ярких и необычных научных деятельниц. Именно он делает доступными те стороны их жизни, которые не могут быть исследованы с помощью количественных подходов – а именно: жизнь женщин-ученых с точки зрения их особой культуры (норм, ценностей, языка, мифов).

Современная социология науки заставляет антропологов и этнологов все чаще не столько описывать, сколько ставить вопросы и предлагать на них свои ответы, решения. Тематизация гендерного неравенства в научном (академическом, университетском) сообществах стала одним из волнующих сюжетов множества научных встреч [53]. Специальные программы ЕС, инициированные Брюсселем [54], заставляют анализировать жизнь людей науки с неформальным учетом количества участников и участниц поддержанных проектов, но обращая внимание на то, насколько в деятельности Фондов и Ассоциаций артикулирован в постановке самих исследовательских задач женский социальный опыт, женская аксиосфера, размышлять, насколько преодолимы устоявшиеся стереотипы и стандарты [55]. Создана международная организация, призванная защищать права женщин-ученых, ENWISE (= **E**nlarge **W**omen **I**n **S**cience to **E**ast).

Она включает многие страны постсоветского пространства. РФ в ней не представлена*: повышение представленности женщин в научной среде, российская наука сейчас менее оттрапоровав о небольшом, но все же всего озабочена этими вопросами**.

Список литературы

- 1 Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях / Е.М. Ковалев, И.Е. Штейнберг. - Москва: Алетейя, 1999. – 352 с.
- 2 Edgerton R., Langness L. Methods and Styles in Study of Culture / R.Edgerton, L. Langness. - San-Francisco: Chandler & Sharp Publishers, 1974. – 100 p.
- 3 Романов П.В., Ярская Е.Р. Делать знакомое неизвестным. Этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 2; Романов П.В. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии»// Социологический журнал. 1996. № 3/4.
- 4 Вебер М. Политика как призвание и профессия [Электрон. ресурс]. – 2020. – URL: http://www.nir.ru/socio/articles/weber_politika.html (дата обращения: 13.05.2020)
- 5 Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre / M. Weber. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1968. – 624 p.
- 6 Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва: Прогресс, 1984.- 194 с.
- 7 Сорокин П. Система социологии / П. Сорокин. – Москва: Колос, 1993. – 464 с.
- 8 Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – Москва: Политиздат, 1992. – 543 с.
- 9 Ярская-Смирнова Е.Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. № 5, 2001. С.86-95.
- 10 Pasthas G. Ethnotheorie, Ethnomethodologie, Phänomenologie. Alltagswissen, Interaktion, und gesellschaftliche Wirklichkeit. Bd. 2. Ethotheorie und Ethnographie des Sprechens / G. Pasthas. – Reinbeck, 1973. - 270 s.
- 11 Бекк-Виклунд М. Феноменология: мир жизни и обыденного знания / М. Бекк-Виклунд. – Санкт-Петербург: Нотабене, 1992. – 105 с.
- 12 Митина С.М. Осипов Г.В. Конфронтация социологических идей. История социологии в Западной Европе и США / С.М. Митина, Г.В. Осипов. – Москва: НОРМА – ИНФРА, 2001. - 576 с.
- 13 Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology / H. Garfinkel. - New Jersey: Englewood-Cliffs, 1967. - 288 p.
- 14 Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts / B. Latour, S. Woolgar. - Princeton: Princeton University Press, 1986. - 269 p.
- 15 Knorr-Cetina K. Towards a Constructivist Interpretation of Science / K. Knorr-Cetina. - London: Sage, 1983. - 140 p.
- 16 Knorr-Cetina K. The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science / K. Knorr-Cetina. – Oxrord: Pergamon Pr, 1984. – 189 p.
- 17 Knorr-Cetina K. Wissenskulturen: ein Vergleich naturwissenschaftlicher Wissensformen / K. Knorr-Cetina. -Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. – 170 p.
18. Knorr-Cetina K. Epistemic cultures: how the sciences make knowledge / K. Knorr-Cetina. – Cambridge: Mass, 1999. - 352 p.
- 19 Latour B. Pandora’s Hope: Essays on the reality of science studies / B. Latour. -Cambridge: Mass, 1999. - 336 p.
- 20 Knorr-Cetina K. The Microsociological Challenge to Macrosociology. Advances in Social Theory and Methodology / K. Knorr-Cetina. – Boston: Routledge, 1981. - 336 p.
- 21 Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л.Г. Ионин. – Москва: Логос, 2000. - 433 с.

*Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Эстония.

**Численность женщин-профессоров выросло с 30 до 32%, женщины-руководителей подразделений с 16 до 18%, число женщин-координаторов проектов международного уровня с 13 до 14% (European commission, Commission Staff Working Document. Women and Science. Excellence and Innovation – Gender Equality in Science. Bruxelles, 2005. P. 16).

- 22 Бурдьё Пьер. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. - 288 с.
- 23 Lepenies W. Das Ende der Überheblichkeit. Zeitschrift für Kulturaustausch / W. Lepenies. – Hamburg: Die Zeit, 1996. -152 p.
- 24 Ellys C., Bochner A.P. Introduction // Journal of Contemporary Ethnography. V. N 1, 1996.
- 25 Семенов Ю. И. Этнология и гносеология // Этнографическое обозрение -1993.- № 6. - С. 3.
- 26 Рейнхардт С. Феминистское мультиметодное исследование // Гендерные исследования. - 2000. - Т.2. № 5. - С. 190-210.
- 27 Clough P.T. The end(s) of ethnography: From realism to social criticism / P.T. Clough. -New York: Peter Lang Inc, 1992. - 142 p.
- 28 Ardener S. The Social Anthropology of Women and Feminist Anthropology // Anthropology Today 1 (5), 24-26 (1985)
- 29 Ионин Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин Москва: Логос, 1996. - 210 с.
- 30 Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Делать знакомое неизвестным. Этнографический метод в социологии // Социологический журнал -1998.- №1/2. - С.145-160.
- 31 Бромлей Ю.В., Марков Г. Е. Этнография: Учебник для студентов исторических специальностей вузов/ Ю.В. Бромлей, Г. Е. Марков. – Москва: Наука., 1982. - 311 с.
- 32 Громыко М. М. Молодежь в обрядовой жизни русской деревни конца XIX - начала XX вв. / М. М. Громыко. - Москва: Наука, 1985. – 280 с.
- 33 Савоскул С. Русские нового зарубежья // Общественные науки и современность. - 1994. - № 4. - С. 90-101.
- 34 Зайончковская Ж. А. Развитие внешних миграционных связей России // Социологический журнал. - 1995. - № 1. - С. 29-45.
- 35 Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и системы хозяйствования / Т.А. Бернштам. - Ленинград: Наука, 1978. -173 с.
- 36 Maanen J. Special issues on qualitative methodology // Administrative Science Quarterly, 24, 11 (1979)
- 37 Маркс К. Капитал / К. Маркс. – Москва: Наука, 1955. - 211 с.
- 38 Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований / Г.С. Батыгин. – Москва: Логос, 1995. – 183 с.
- 39 Подмарков В.Т. Человек в мире профессий // Вопросы философии. -1972. - № 8. – С. 10
- 40 Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропологические исследования профессий / П.В.Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. - Саратов: Научная книга, 2005. - 464 с.
- 41 Weinberg A. M. Defence of Science // Science, 167(3915), 10(1970)
- 42 Щепанская Т. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. -2003. - Т. 7. № 1. - С. 145
- 43 Огурцов А.П. Наука: власть и коммуникация. // Вопросы философии -1990. - № 11. – С. 3-23.
- 44 Пестр Д. Социальная и культурологическая история науки: новые определения, новые объекты, новые практики // Вопросы истории естествознания и техники. -1996. - №3. - С.42-55.
- 45 Огурцов А.П. Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы / А.П. Огурцов. -Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. - 68 с.
- 46 Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализации научных специальностей и областей исследования. Научная деятельность: структура и институты / Р. Уитли. – Москва: Прогресс, 1980. – 432 с.
- 47 Степин В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. – Москва: Высшая школа, 1992. - 191 с.
- 48 Plummer K. Telling sexual stories. Power change and social worlds / K. Plummer. - London and New York: Routledge, 1995. – 200 p.
- 49 Маннхейм К. Очерки по социологии знания: проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / К. Маннхейм. - Москва: Наука, 2000. -158 с.
- 50 Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказывания ученых / Д. Гилберт, М. Малкей. – Москва: Прогресс, 1987. - 269 с.
- 51 Муравьева М. Мы говорим гендерные исследования, подразумеваем // Гендерные исследования. - Харьков, - 2005. - 232 с.

52 Тощенко Ж.Т. Социология: пути научной реформации // Социологические исследования. -1999. - № 9. - С.11

53 Science policies meet reality: Gender, Women and Youth in Science in Central and Eastern Europe. Prague, 1-2 December 2006. Abstracts. Praha, 2006. Available at: <https://cutt.ly/9jqOA95> (accessed 10.06.2020)

54 European Council. Resolution on Science and Society and on Women in Science. (2001/C 199/01) European Council Available at: <https://cutt.ly/YjqPaIL> (accessed 11.07.2020)

55 Foschi M Double Standards in the Evaluation of Men and Women // Social Psychology Quarterly, 59, 237-254 (1996).

Н. Л. Пушкарева

Ресей Ғылым академиясының Этнология және антропология институты, Мәскеу, Ресей

**Ғылыми қоғамдастықты этнология әдістерімен зерттеу:
гендерлік тәсілдің маңыздылығы**

Аңдатпа. Мақалада этнографиялық білімнің әдіснамасы мен әдістерін әлеуметтану мен социопсихологияда қолданылуы қарастырылады. Автор кәсіби (соның ішінде, ғылыми) қауымдастықтарды зерттеудің негізін қалаған М. Вебер, Г. Зиммель, П. Сорокиннің және т.б. классикалық зерттеулеріне сілтеме жасайды. Ғылыми бағыттардың пәнаралық өзара әрекеттестігі күнделікті өмірге, адамның қоғамда күнделікті әрекеттерді орындауда қолданатын әдістерін анықтауға баса назар аударады, нәтижесінде этнометодологияның зерттеу векторы айқындалады. Автор зертхана жағдайында ғылыми қоғамдастықтың күнделікті тіршілігіне жүргізілген зерттеулерді, қосымша микроталдау мен түсіндіруді, ғылыми қоғамдастықты зерттеудің антропологиялық қырларын, кәсіптер этнографиясындағы гендерлік тәсілді талап ететін ғалымдардың көптеген іс-әрекеттерін тіркеп көрсетеді. Сонымен қатар, ғылым этнографияның негізгі міндетін ғалымның күнделікті практикалық іс-әрекетін зерттеуде, «зертхана әлемін» жобалауда, ғылыми қоғамдастықтың әлеуметтік институционализациясында көреді. Ғылым этнографиясында белсенді әлеуметтік субъект ретінде ғылыми қызметкерге, ғылыми (академиялық, университеттік) қоғамдастықтардағы гендерлік теңсіздікке назар аударатын гендерлік аспектінің маңызы бар.

Түйін сөздер: ғылым этнографиясы; этнометодология; гендерлік көзқарас; ғылыми қоғамдастық.

N.L. Pushkareva

Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Study of scientific community by methods of ethnology: gender approach relevance

Abstract. The article describes the methodology and methods of ethnographic knowledge in the focus of their application in sociology and sociopsychology. The author turns to classical studies of M. Weber, G. Zimmel, P. Sorokin and others, who laid the foundation for the study of professional (including scientific) communities. Interdisciplinary interaction of scientific directions focused on the daily routine world, on identification of methods used by a person in society to perform routine actions, which eventually determined the research vector of ethnomethodology. The author describes the undertaken studies of the daily life of the scientific community in the conditions of the laboratory, the fixation of many actions taken by scientists that require additional microanalysis and explanations, anthropologization of the study of the scientific community, gender approach in ethnography of professions. The author considers the main task of the ethnographer of science in the study of daily practical routine activities of the scientist, in the design of «laboratory world» - social institutionalization of the scientific community. The gender aspect is important in the ethnography of science, focusing on the scientist as an active social subject, on gender inequality in scientific (academic, university) communities.

Key words: ethnography of science; ethnomethodology; gender approach; anthropology; scientific community.

References

- 1 Kovalev E.M., Shteinberg I.E. Kachestvennye metody v polevykh sotsiologicheskikh issledovaniakh [Qualitative methods in field sociological research] (Alleteiya, Moscow, 1999, 352 p.) [in Russian]
- 2 Edgerton R., Langness L. Methods and Styles in Study of Culture (Chandler & Sharp Publishers, San-Francisco, 1974, 100 p.)
- 3 Romanov P.V., Iarskaia E.R. Delat' znakomoe neizvestnym. Etnograficheskii metod v sotsiologii [Make the familiar unknown. Ethnographic method in sociology], Sotsiologicheskii zhurnal, 2, (1998). [in Russian]
- 4 Veber M. Politika kak prizvanie i professiia [Politics as a vocation and profession] // Available at: http://www.nir.ru/socio/articles/weber_politika.html (Accessed: 13.05.2020) [in Russian]
- 5 Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre [A collection of essays on science] (Tübingen, Mohr Siebeck, 1968, 624 p.)
- 6 Veblen T. Teoriia prazdnogo klassa [Theory of the leisure class] (Progress, Moscow, 1984, 194 p.)
- 7 Sorokin P. Sistema sotsiologii [System of sociology] (Kolos, Moscow, 1993, 464 p.)
- 8 Sorokin P. Chelovek. Tsivilizatsiia [Person. Civilization. Society] Obshchestvo. M., 1992. [in Russian]
- 9 Iarskaia-Smirnova E.R. Professionalizatsiia sotsial'noi raboty v Rossii [Professionalization of social work in Russia], Sotsiologicheskie issledovaniia. №5, 2001. P. 86-95. [in Russian]
- 10 Pasthas G. Ethnotheorie, Ethnomethodologie, Phänomenologie, Alltagswissen, Interaktion, und gesellschaftliche Wirklichkeit. Bd. 2. Ethnotheorie und Ethnographie des Sprechens. Reinbeck, 1973.
- 11 Bekk-Viklund M. Fenomenologiya: mir zhizni i obydenного znaniia [Phenomenology: the world of life and everyday knowledge], Monson P. Sovremennaiia zapadnaia sotsiologiya. SPb., 1992. [in Russian]
- 12 Mitina S.M. Osipov G.V. Konfrontatsiia sotsiologicheskikh idei [Confrontation of sociological ideas], Osipov G.V. (red.) Istoriia sotsiologii v Zapadnoi Evrope i SShA. M., 1999. [in Russian]
- 13 Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood-Cliffs (N.Y.), 1967. 288 p.
- 14 Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Los Angeles, 1979; Woolgar S. Science: The very idea. L., 1988. - 269 p.
- 15 Knorr-Cetina K. Towards a Constructivist Interpretation of Science. (Sage, London, 1983, 140 p.).
- 16 Knorr-Cetina K. The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science (Pergamon Pr, Oxrord, 1984, 189 p.).
- 17 Knorr-Cetina K. Wissenskulturen: ein Vergleich naturwissenschaftlicher Wissensformen. (Suhrkamp, Frankfurt am Main, 2002, 170 p.).
18. Knorr-Cetina K. Epistemic cultures: how the sciences make knowledge (Mass, Cambridge, 1999, 352 p.).
- 19 Latour B. Pandora's Hope: Essays on the reality of science studies. (Mass, Cambridge, 1999, 336 p.).
- 20 Knorr-Cetina K. The Microsociological Challenge to Macrosociology. Advances in Social Theory and Methodology. (Routledge, Boston, 1981, 336 p.).
- 21 Ionin L.G. Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysiacheletie [Sociology of culture: the path to the new Millennium] (Logos, Moscow, 2000, 433 p.) [in Russian]
- 22 Burd'e P'er. Sociologiya social'nogo prostranstva [The Sociology of Social Space] (Alleteiya, Saint-Petersburg, 2005, 288 p.) [in Russian]
- 23 Lепенies W. Das Ende der Überheblichkeit, Zeitschrift für Kulturaustausch. 46, 1996.
- 24 Ellys C., Bochner A.P. Introduction, Journal of Contemporary Ethnography. 25 (1), 1996.
- 25 Semenov Iu.I. Etnologiya i gnoseologiya [Ethnology and epistemology], Etnograficheskoe obozrenie [ethnographic review], 6, 1993. [in Russian]
- 26 Reinkharts S. Feministskoe mul'timetodnoe issledovanie [Feminist multimethod research], Gendernye issledovaniia [Gender studies] 5(2), 190-210(2000). [in Russian]
- 27 Clough P.T. The end(s) of ethnography: From realism to social criticism. Newbury Park, CA, 21-22(1992).
- 28 Ardener S. The Social Anthropology of Women and Feminist Anthropology, Anthropology Today 1 (5), 24-26 (1985)
- 29 Ionin L.G. Sotsiologiya kul'tury [Sociology of Culture] (Logos, Moscow, 1996, 210 p.) [in Russian]

- 30 Romanov P.V., Iarskaia-Smirnova E.R. Delat' znakomoe neizvestnym. Etnograficheskii metod v sotsiologii [Make the familiar unknown. Ethnographic method in sociology], Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]. 1/2, 145-160 (1998). [in Russian]
- 31 Bromlei Iu.V., Markova G.E. Etnografiia [Ethnography]: Uchebnik dlia studentov istoricheskikh spetsial'nostei vuzov (Nauka, Moscow, 1982, 311 p.) [in Russian]
- 32 Gromyko M.M. Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi derevni kontsa XIX - nachala XX vv. [Youth in the ritual life of the Russian village of the late XIX-early XX centuries.] (Nauka, Moscow, 1985, 280 p.) [in Russian]
- 33 Savoskul S. Russkie novogo zarubezh'ia [Russians of the new abroad], Obshchestvennye nauki i sovremenost' [Social Science and Modernity]. 4, 90-101(1994). [in Russian]
- 34 Zaionchkovskaia Zh.A. Razvitie vneshnikh migratsionnykh svyazei Rossii [Development of external migration relations in Russia], Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]. 1, 29-45 (1995). [in Russian]
- 35 Bernshtam T.A. Pomory: formirovanie gruppy i sistemy khoziaistvovaniia [Pomors: formation of a group and management system] (Nauka, Leningrad, 1978, 173 p.) [in Russian]
- 36 Maanen J. (ed.) Special issues on qualitative methodology, Administrative Science Quarterly. 24, 11 (1979).
- 37 Marks K. Kapital [Capital] (Nauka, Moscow, 1955, 211 p.) [in Russian]
- 38 Batygin G.S. Lektsii po metodologii sotsiologicheskikh issledovaniia [Lectures on the methodology of sociological research] (Logos, Moscow, 1995, 183 p.) [in Russian]
- 39 Podmarkov V.T. Chelovek v mire professii [Man in the world of professions], Voprosy filosofii [Philosophy questions]. 8 (1972). [in Russian]
- 40 Romanov P.V., Iarskaia-Smirnova E.R. Antropologicheskie issledovaniia professii [Anthropological studies of the professions] (Nauchnaya kniga, Saratov, 2005, 464 p.) [in Russian]
- 41 Weinberg A. M. Defence of Science, Science. 167(3915), 10(1970).
- 42 Shchepanskaia T. Antropologiia professii [Anthropology of professions], Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology] 7(1), 145(2003) [in Russian]
- 43 Ogurtsov A.P. Nauka: vlast' i kommunikatsiia [Science: power and communication], Voprosy filosofii [Philosophy questions]. 11, 3-23(1990). [in Russian]
- 44 Pestr D. Sotsial'naia i kul'turologicheskaia istoriia nauki: novye opredeleniia, novye ob»ekty, novye praktiki [Social and cultural history of science: new definitions, new objects, new practices], Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki [Issues of History, Natural Science, and Technology]. 3, 42-55(1996). [in Russian]
- 45 Ogurtsov A.P. Sotsial'naia istoriia nauki: strategii, napravleniia, problem [Social history of science: strategies, directions, problems] (Aleteiia, Saint-Petersburg, 2001, 68 p.) [in Russian]
- 46 Uitli R. Kognitivnaia i sotsial'naia institutsializatsii nauchnykh spetsial'nostei i oblastei issledovaniia. Nauchnaia deiatel'nost': struktura i instituty [Cognitive and social institutionalization of scientific specialties and research areas. Scientific Activities: Structures and Institutes] (Progress, Moscow, 1980, 432 p.) [in Russian]
- 47 Stepin V.S. Filosofskaia antropologiia i filosofii nauki [Philosophical anthropology and philosophy of science] (Vysshaya shkola, Moscow, 1992, 191 p.) [in Russian]
- 48 Plummer K. Telling sexual stories. Power, change and social worlds (Routledge, London and New York, 1995, 200 p.)
- 49 Mannkheim K. Ocherki po sotsiologii znaniia: problema pokolenii - sostiazatel'nost' - ekonomicheskie ambitsii [Essays on the sociology of knowledge: the problem of generations-competition – economic ambitions] (Nauka, Moscow, 2000, 158 p.) [in Russian]
- 50 Gilbert D., Malkei M. Otkryvaia iashchik Pandory: sotsiologicheskii analiz vyskazyvaniia uchenykh [Opening Pandora's box: a sociological analysis of scientists' statements] (Progress, Moscow, 1987, 269 p.) [in Russian]
- 51 Murav'eva M. My govorim gendernye issledovaniia, podrazumevaem [When we say gender studies, we mean], Gendernye issledovaniia [Gender research]. Khar'kov, 13 (2005). [in Russian]
- 52 Toshchenko ZH.T. Sociologiya: puti nauchnoj reformatsii [Sociology: Ways of Scientific Reform], Sociologicheskie issledovaniia [Sociological research]. 9, 11(1999). [in Russian]

53 Science policies meet reality: Gender, Women and Youth in Science in Central and Eastern Europe. Prague, 1-2 December 2006. Abstracts. Praha, 2006. Available at: <https://cutt.ly/9jqOA95> (accessed 10.06.2020)

54 European Council. Resolution on Science and Society and on Women in Science. (2001/C 199/01) European Council Available at: <https://cutt.ly/YjqPaIL> (accessed 11.07.2020)

55 Foschi M Double Standards in the Evaluation of Men and Women, *Social Psychology Quarterly*, 59, 237-254(1996).

Сведения об авторах:

Пушкарёва Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, руководитель Центра гендерных исследований ИЭА РАН, Заслуженный деятель науки РФ, Москва, Россия.

Pushkareva Natalia Lvovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Principal Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Honored Scientist of Russia, Head of the Center for Gender Studies of IEA RAS, , Moscow, Russia.